

© 2025. Т. А. Богданова

Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук
г. Москва, Россия

Творчество Ф. М. Достоевского в литературно-философском наследии Л. А. Зандера

Аннотация: Роль Л. А. Зандера как философа и религиозного мыслителя, воспитанного на русской и европейской культуре XIX — начала XX в., профессора, педагога и церковно-общественного деятеля, активно проявившего себя в разных сферах жизни первой половины XX в., доньше мало исследованы. Статьи, рецензии и книги Зандера незаслуженно мало вовлечены в исследовательский и читательский круг. Цель статьи — привлечь внимание к личности философа и представить многолетние труды по изучению и популяризации творчества одного из наиболее ценных им писателей XIX в., Ф. М. Достоевского, итогом которых стала книга «Тайна добра. Проблема добра в творчестве Достоевского». Представлен обзор статей и рецензий Зандера на книги о Достоевском в журналах «Вестник РСХД», «Путь», «Православная мысль», «Грани», «Мосты», газете «Возрождение», отзывы на труды Зандера. Дан обзор его лекционной работы, организации семинаров и кружков по творчеству Достоевского. Автором статьи привлекается переписка Зандера, делается вывод, что труды по изучению Достоевского занимают важное место в литературно-философском наследии Зандера и являются ценным вкладом в копилку исследований творчества Достоевского, в развитие православной культуры, ожидающим своего отдельного переиздания.

Ключевые слова: Л. А. Зандер, Ф. М. Достоевский, С. Н. Булгаков, П. Н. Евдокимов, преп. Иустин (Попович), внутреннее монашество, православная культура.

Информация об авторе: Татьяна Александровна Богданова, доктор церковной истории, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия.

E-mail: tabog@yandex.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 10.05.2025

Дата одобрения статьи рецензентами: 22.06.2025

Дата публикации статьи: 25.09.2025

Для цитирования: Богданова Т. А. Творчество Ф. М. Достоевского в литературно-философском наследии Л. А. Зандера // Два века русской классики. 2025. Т. 7, № 3. С. 194–238. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-3-194-238>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 7, no. 3, 2025, pp. 194–238. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 7, no. 3, 2025, pp. 194–238. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2025. Tatyana A. Bogdanova

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

F. M. Dostoevsky's Works in L. A. Zander's Literary and Philosophical Heritage

Abstract: The role of L. A. Zander as a philosopher and religious thinker, brought up on Russian and European culture of the 19th — early 20th centuries, professor, teacher, and church and public figure, who actively manifested himself in various spheres of life in the first half of the 20th century, has been little studied to this day. Zander's articles, reviews, and books are undeservedly little involved in the research and reading circles. The purpose of the article is to draw attention to the personality of the philosopher and to present many years of work on the study and popularization of the work of one of the most valued by him writers of the 19th century, F. M. Dostoevsky, the result of which was the book *The Secret of Good. The Problem of Good in the Works of Dostoevsky*. The article presents an overview of Zander's articles and reviews of books about Dostoevsky in the journals *Vestnik RSHD*, *Put'*, *Pravoslavnyaya Mysl'*, *Grani*, *Mosty*, and the newspaper *Vozrozhdenie*. It also gives an overview of his lecture work, organization of seminars and circles on Dostoevsky's work. The author of the article uses Zander's correspondence and concludes that the works on studying Dostoevsky occupy an important place in Zander's literary and philosophical heritage and are a valuable contribution to the collection of studies of Dostoevsky's work, to the development of Orthodox culture, awaiting separate republication.

Keywords: L. A. Zander, F. M. Dostoevsky, S. N. Bulgakov, P. N. Evdokimov, teacher. Justin (Popovich), internal monasticism, Orthodox culture.

Information about the author: Tatyana A. Bogdanova, DSc in Church History, Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia.

E-mail: tabog@yandex.ru

Received: May 10, 2025

Approved after reviewing: June 22, 2025

Published: September 25, 2025

For citation: Bogdanova, N. A. "F. M. Dostoevsky's Works in L. A. Zander's Literary and Philosophical Heritage." *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 7, no. 3, 2025, pp. 194–238. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2025-7-3-194-238>

Профессор Св.-Сергиевского Православного Богословского Института Лев Александрович Зандер (1893–1964) является автором ряда книг и статей, которые разбросаны по журналам и газетам многих стран на разных континентах, где он бывал. Наиболее полно перечень этих трудов представлен в издававшихся под его редакцией сборниках: *List of the Writings of Professors of the Russian Orthodox Theological Institute in Paris*, ed. By L. A. Zander. Vv. I (1932) — V (1965). N.Y., где указаны печатные труды профессоров Института с 1925 по 1965 гг. На русском языке статьи Зандера печатались в журналах «Лицейский вестник» (С.-Петербург), «Русское обозрение» (Владивосток), «Экономический вестник» и «Духовный мир студенчества» (Прага), в парижских журналах: «Вестник РСХД», «Путь», «Православная мысль», «Вестник Церковной Жизни», в изданиях «Посева»: «Грани» и «Мосты» (Франкфурт-на-Майне), в газетах «Свободная Пермь», «Русский голос» и «Заря» (Харбин), «Возрождение» и «Русская мысль» (Париж) и других изданиях.

Труды Зандера можно разделить на несколько частей: 1) «Систематизация» учения о. Сергия Булгакова. 2) Русское Студенческое Христианское Движение (РСХД или просто Движение). 3) Теория и практика экуменического движения. 4) Философия. И отдельный блок составляют работы, связанные с многолетним изучением творчества его любимого писателя Ф. М. Достоевского; прежде всего книга «Тайна добра. (Проблема добра в творчестве Достоевского)» (вышедшая на четырех языках последовательно: французский, английский, немецкий, русский) и ряд статей, включая рецензии на книги о Достоевском. Близко знавшая семью Зандеров на протяжении многих лет Е. Ю. Бобринская замечала, что «Достоевского он знал почти наизусть и на все случаи жизни имел цитаты из его творений» [Бобринская: 277]. В философско-литературном наследии Зандера осмысление Достоевского с выходами в философию, религию, русскую эмиграцию, православную культуру, экуменическое движение занимает особое место.

Л. А. Зандер родился в Санкт-Петербурге 19 февраля 1893 г. в семье лейб-медика Александра Львовича Зандера, состоявшего при членах Императорской фамилии в поездках на Кавказ и в Германию (Баден-Баден и Висбаден), с 1903 г. находился при великом князе Михаиле Николаевиче (сыне Николая I), который летом жил в своем имении Михайловка около Петергофа, а зимние месяцы проводил на юге Франции в Каннах. Во время пребывания в Париже Зандер «сопровождал свою мать в студию знаменитого Родена, под руководством которого она занималась скульптурой» [Памяти профессора: 27]. Летом в Михайловку отец Зандера приглашал «друзей-художников и музыкальных артистов, постоянно устраивались домашние концерты и спектакли», отец «писал для детей небольшие оперы, в которых принимали участие и он сам и его жена, обладавшая красивым и хорошо поставленным голосом». С раннего детства Зандер «обнаружил и музыкальные способности и наизусть разыгрывал прелюды и ноктюрны Шопена и сонаты Бетховена. Но любимыми его вещами были 5-я и 9-я симфонии Бетховена и рапсодия Листа. В такой обстановке слагался душевный мир Льва Александровича. Любимыми его поэтами были Тютчев и Блок, а из писателей — Достоевский» [Памяти профессора: 27–28]. В детстве Зандер любил прислуживать настоятелю каннской Архангело-Михайловской церкви протоиерею Григорию Остроумову (духовник дочери великого князя Михаила Николаевича и великой княгини Анастасии Михайловны; впоследствии архиепископ Каннский Григорий), преподававшему ему Закон Божий. Из-за частых поездок семьи Зандер учился дома, воспитывали и обучали его русские и иностранные гувернеры и учителя, благодаря чему он свободно владел главными европейскими языками. После смерти великого князя (5 декабря 1909 г.) Зандеры в апреле 1910 г. вернулись в Санкт-Петербург, им была предоставлена казенная квартира на Миллионной при дворце великого князя Сергея Михайловича, пятого из шести сыновей великого князя Михаила Николаевича.

По возвращению в Россию Зандер сдал экстерном экзамены при Введенской классической гимназии на Петроградской стороне и поступил в 3-й специальный класс Императорского Александровского лицея. В Лицее определился его интерес к психологии и философии, которую преподавал А. П. Нечаев, по окончании Санкт-Петербургского университета стажировавшийся в Европе (Лейпциг, Геттинген,

Гейдельберг, Цюрих, Париж), создатель первой в России лаборатории экспериментальной педагогической психологии (1901) и первых педологических курсов при ней (1904). Весной 1915 г. по приглашению Нечаева Зандер читал лекции о Спинозе на Высших Курсах Общества экспериментальной психологии, посещал (или вел) занятия в Педагогической Академии. В лицейские годы он посещал кружок С. А. Аскольдова, их дружба продолжалась и впоследствии.

К годам обучения в Лицее относится начало литературной деятельности Зандера, отмеченное статьями в «Лицейском журнале». Первая статья «Сверхъестественное у Тургенева. Литературно-психологический этюд» — первое сочинение, написанное в Лицее.

Во второй статье «Несколько слов о трилогии Мережковского “Христос и Антихрист”» Зандер пишет о месте, которое занимает эта трилогия в современной литературе, стремясь доказать, что она «является тем звеном, которое соединяет старую литературу с новой», т. е. с литературой «символической», «модерном» [Зандер Л. А. 1911: 3]. На вопрос, чем же является это произведение, Зандер отвечает:

Это — художественное изображение выработки мирозерцания, не вообще мирозерцания как такового, а только личного мировоззрения автора. И вместе с тем эта исповедь получила внешнюю форму романа. <...> В нашей литературе никогда не было ничего подобного. <...> присутствие богоискательства в романе. Богоискательство является наиболее ярким выражением того субъективизма, который ложится в основание всей новой школы [Зандер Л. А. 1911: 11].

Для нас статья интересна тем, что в ней 18-летний Зандер впервые упоминает имя Ф. М. Достоевского, которого, как И. С. Тургенева и «отчасти Льва и Алексея Толстых» называет «первыми предвестниками модернизма и, вместе с тем, его основателями» [Зандер Л. А. 1911: 5]. По мнению Зандера, творчество Достоевского «делает эпоху, потому что в нем наиболее ясно выразился переход от старой литературы к новой», он «направил литературу на совершенно новый путь, по которому теперь идет все новое искусство и наука. Это — путь точного психологического исследования человеческой души» [Зандер Л. А. 1911: 5]. Достоевский «совершенно сознательно встал на субъективную точку зрения и перешел к психологическому творчеству. <...> Правда, он

изображал большей частью людей ненормальных, но это уже индивидуальное свойство его таланта. Суть же дела заключается в том методе, посредством которого он изображал их, а этот метод был интроспективен, то есть субъективен» [Зандер Л. А. 1911: 7].

26 мая 1913 г. Зандер был награжден двумя золотыми медалями (за курс наук и за сочинение «Учение Спинозы о праве и государстве») и одной серебряной за курсовое сочинение «Современная методология изучения искусства». Званием *лицеиста* Зандер будет дорожить всю жизнь. В августе 1913 г., выдержав государственные экзамены на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета (юридическое направление было профилирующим в Лицее), Зандер по обычаю того времени поехал в Германию. Семестр (октябрь 1913 — май 1914 г.) он посещал семинар Вильгельма Видельбанда (1848–1915), где прочитал доклады «О метафизике Аристотеля» и «О понятии причинности в системе Спинозы» [Ребриева: 221]. Помимо философии Зандер проявлял большой интерес к экспериментальной психологии и педагогике. Летний семестр (июнь–июль 1914 г.), согласно записи Зандера, он «работал у Вунда, Трöльча, Дриша — знакомство с ними»¹. Вильгельм Вундт (1832–1920) — профессор философии Лейпцигского университета, основатель первой в мире лаборатории экспериментальной психологии, в 1881 г. преобразованной в Институт. Эрнст Трöльч (1865–1923) — профессор систематической теологии в Боннском и Гейдельбергском университетах. Ханс Дриш (1867–1941) — один из основателей экспериментальной эмбриологии, преподавал естественную философию на факультете естественных наук в Гейдельберге.

Воспитание, образование и весь круг, в котором с детских лет вращался Зандер, открывали перед ним двери многих домов России и Европы. Среди его записей за август–сентябрь 1913 г.: «в Берлине — прием у Кронпринцессы»².

Впоследствии, отвечая на вопрос, чем манила его Европа, Зандер заметит:

Может быть лучшим определением того, что нас влекло в Германию и чему мы ехали туда учиться, будет любимое слово *Достоевского*, ко-

¹ Частный архив. Фотокопия.

² Частный архив. Фотокопия.

торое он употреблял в совершенно ином контексте: благообразие жизни. А сюда входит и трудовой принцип, и дисциплина воли, и известный интеллектуальный уровень, и общие условия жизни, и все вообще, чем нас пленила и пленяет Европа, несмотря на все разочарования в ней, о которых так глубоко и остро писали и Герцен, и Леонтьев, и Толстой и которые так больно ударили и по нашей психологии и продолжают нас бить, начиная с 1914 года и по наши дни...» (Курсив мой. — Т. Б.) [Зандер Л. А. 1963с: 321].

Написав эти слова, Зандер делает оговорку: «Европа являлась нам в своем немецком аспекте; <...> все мы ехали учиться в Германию, все мы увлекались неокантианством; и никто не думал и даже не знал имен Леона Блуа, Шарля Пегги, Маритэна» [Зандер Л. А. 1963с: 321]. Впоследствии имя Ш. Пегги не раз будет упоминаться в статьях Зандера, он будет переводить его стихи и мистерии. В феврале 1947 г. произнесет в Св.-Сергиевском Богословском Институте актовую речь «Пророк Святой Франции — Шарль Пегги» и напишет статью «К 50-летию со дня смерти Шарля Пегги».

В июле 1914 г. Зандер «спешно» вернулся в Петербург. С этого времени начинается другая жизнь и, как он сам напишет, открывается «иная реальность»: «Началом всего была первая мировая война, которая явилась не только “кризисом культуры и жизни”, но и концом некоего эона, связанного с определенным, если не гуманным, то гуманистическим мировоззрением» [Зандер Л. А. 1959. 1: 42]. Зандер назовет войну состоянием «апокалиптического бытия», жизнью «среди развалин рушащихся миров» [Зандер Л. А. 1959. 1: 42]. «Перед величием апокалиптических перспектив слабая человеческая душа изнемогает; но это ощущение своей ничтожности в домостроительстве спасения должно стать основанием нового духовного взлета, нового божественного откровения...» [Зандер Л. А. 1959. 1: 42]. Для людей его поколения, замечал Зандер, война стала «определяющей школой жизни» и положительно повлияла «на душу русских мыслящих людей»:

Реальность война, реальность вещей и сущностей <...> знаменовала собой обращение от переутонченной «отвлеченной грезы» к «реализму действительной жизни» (выражение *Достоевского*), поставив перед лицом трагической и суровой действительности, показав бесполезность жиз-

ни, «превращенной в систему символов и проблем (Курсив мой. — Т. Б.) [Зандер Л. А. 1963с: 328].

За четыре года с того момента, как Зандер в июле 1914 г. вернулся в столицу Российской империи Санкт-Петербург до того дня в конце 1918 г., когда он, как оказалось потом, навсегда покинет Петроград, «промелькнули»: работа в Красном Кресте в бюро помощи военнопленным и их семьям, с 14 января 1915 г. вольнослужащимся в Отделении философии и педагогики Императорской публичной библиотеки «для выполнения специального поручения Министерства народного просвещения: изучить положения внешкольного образования в Америке и в разных странах Европы» [Ребриева: 221] и одновременно чтение лекций о Спинозе на Высших Курсах Общества экспериментальной психологии.

В «Вестнике Красного Креста» Зандер поместил статью «Нравственная ценность войны», в которой поставил задачу исследовать психологию отдельной личности на войне:

Война есть явление историческое, сверхиндивидуальное, явление, против которого бессильны бороться отдельные личности, раз его требует Рок, как бы мы ни называли его — промыслом Божиим, историческим законом, или экономическим равновесием. <...> Для нас важно то, что войну, как таковую, ни в чем винить нельзя. Это — явление природы, явление неизбежное, с точки зрения индивидуальной явление безличное и безвольное, а как таковое, конечно, и невеняемое [Зандер Л. А. 1915: 3399].

Рассмотрев и проанализировав различные ситуации и состояния, в которые попадает на войне человек, Зандер заключает:

Война — это концентрированная жизнь, таящая в себе неограниченные возможности неограниченного совершенства и разврата. Она обнажает человека от всех поверхностных покровов цивилизации, внешней культуры, воспитания и привычной, ничего не стоящей гуманности: она резко противопоставляет друг другу два основных инстинкта человеческой природы — любовь к ближнему и любовь к себе, и таким образом вызывает каждого на решительный и окончательный ответ о своем нравственном достоинстве. Таким образом, война есть пробный камень не только исто-

рической силы народов, но и духовного достоинства отдельной человеческой личности» [Зандер Л. А. 1915: 3419–3420].

В июне 1915 г. Зандер был переведен на службу в Главное артиллерийское управление помощником столоначальника. В декабре 1915 г. великий князь Сергей Михайлович, назначенный генерал-инспектором артиллерии при Верховном Главнокомандующем, привлек Зандера «к работе в Ставке в качестве переводчика и заведующего артиллерийской научной библиотекой» [Зандер В. А. 1984а: 214]. Зандер прибыл в Ставку в Могилев в феврале 1916 г. Служил переводчиком, дешифровщиком, «выполнял ответственные поручения на позициях» [Ребриева: 221], был награжден орденами св. Анны и св. Станислава. В шифровальном бюро французской военной миссии при Могилевской ставке в это же время служил лейтенант Пьер Паскаль [Данилова]. Они снова встретятся в Париже, после возвращения в 1933 г. из России Паскаль станет профессором Школы восточных языков, потом Сорбонны, и напишет рецензию на первое издание книги Л. Зандера “Dostoievsky. Le Probleme du Bien” (Paris, 1946).

По-видимому, осенью 1916 г. Зандер возвратился в Петроград, в его записях упоминается об организации им философского кружка. Февраль 1917 г. застал Зандера в столице, в мае–июне 1917 г. он снова в ставке в Могилеве, одновременно преподает на Учительские курсы при Могилевском Учительском институте. В июне–июле 1917 г. командирован в Петроград, с августа — в Комиссии по демобилизации армии. В. А. Зандер вспоминала о их совместных прогулках «“на Стрелке”, на островах» [Зандер В. А. 1984а: 218] до ее отъезда из Петрограда на Дон в ноябре 1917 г. и беседах о Достоевском. В январе 1918 г. Зандер уволился с военной службы; был приглашен преподавать законоведение и политэкономии в Коммерческое училище. В его записях за 1918 г. упоминается о деятельности с октября до декабря созданного им кружка по философии, в котором он вел занятия по введению в философию права.

Не позднее марта 1919 г. Зандер прибыл в Пермь, где ему предлагали приват-доцентуру в Пермском университете, до июля 1919 г. город находился под властью А. В. Колчака. Зандер и здесь организовал литературно-философский кружок, в котором, по свидетельству В. В. Вейдле, приехавшего в Пермь позднее Зандера, «речь шла о Киркегоре, <...>

был это, хоть и ненавязчиво кружок религиозно-философский» [Вейдле: 40]. Летом 1919 г., в связи с эвакуацией Пермского университета, Зандер выступал с лекциями в Иркутске и Омске, к осени прибыл во Владивосток. В октябре 1919 г. его избрали доцентом историко-филологического факультета Дальневосточного университета, где он читал курс по философии. 30 октября/11 ноября 1921 г. в Дальневосточном университете состоялось «чествование» 100-летия со дня рождения Ф. М. Достоевского, в январе 1922 г. «чествование» А. А. Блока († 7 августа 1921 г.) и Н. С. Гумилева († 26 августа 1921 г.). Как минимум дважды (осень 1921 и апрель — июль 1922 г.) Зандер был командирован от университета в Китай для изучения художественных памятников и духовной жизни Китая, и участия в конференции Всемирного Христианского Студенческого Союза в Пекине. Был также в Шанхае, выступал с лекциями в Тяньцзине и Циндао, посетил священную гору Лаошань, почитаемую за одну из колыбелей даосизма. По-видимому, в конце весны 1923 г. он направился в Европу.

О жизни после отъезда из Петрограда Зандер писал своей будущей жене 27 ноября 1923 г. из Праги, куда прибыл не позднее 1 сентября 1923 г.:

Была работа в Перми — с большим научным интересом, и голодом, террором и т. п. Промелькнули Омск, Иркутск. <...> Затем 4 года работы во Владивостоке в качестве доцента Университета) — работы страшно ответственной, чрезмерной, но полной интереса и увлечения. По масштабам подобное время вероятно уже не повторится. Поездки в Китай, множество впечатлений, знакомств и т. п. ... При все этом жизнь тяжелая, полу-голодная, чисто “идейная”. Наконец, кошмарное путешествие в 4 классе вокруг света и — Европа, слово для нас — азиатов — звучащее совсем особенно. Ни планов, ни намерений конкретных у меня нет: есть работа, которая наплывает как стихия, в которой я барахтаюсь маленький и бессильный, стремясь по каплям выпить океан. Работа философская и религиозная — наиболее увлекательная и свободная. А формы проявления ее различны¹.

В Праге Зандер, по собственному признанию, остановился на «неопределенное время», жил во дворце первого президента Чехословакии

¹ Фотокопия. Частный архив.

Томаша Массарика, заведовал его личной библиотекой и занимался составлением каталога. Посещал семинары П. Б. Струве и А. Л. Бема. Был секретарем семинара о. Сергия Булгакова *о притчах евангельских о Царстве Божиим*, составлял протоколы выступлений о. Сергия и готовил их для печати.

Из писем к В. А. Калашниковой за февраль — март 1924 г.:

В работе — все время почти без остановок. <...> Наукой заниматься нельзя и нельзя. С утра до трех часов сижу во дворце, потом прямо на лекцию или по делам. Так время летит. <...> опять я ругал себя за тоску по «творческой» работе и думал, что конечно ничего лучшего, чем быть «при нем»¹ я делать не могу <...>. скажу так, что по природе своей я один из подъездных путей, кот. ведут к о. Сергию. <...> Я все время меняю личное и сверхличное, доказывая свою непоследовательность².

Но «*центром тяжести*», по собственному признанию, становилась для Зандера *религиозная кружковая работа* и развивавшееся в эмиграции Русское Христианское Студенческое Движение (РСХД или просто *Движение*). Из письма Зандера от марта 1924 г.:

А ведь я в Европу то ехал именно с мечтой весь отдаться «этому», а это-го то и не оказалось. И вся моя страстность в работе и движении повисла в воздухе. <...> И вот я вижу только страшную путаницу, которой видимо ни я не нужен, ни она мне. Я остался без мечты, я не знаю к чему прилагать силы, кроме, конечно, обычной ежедневной работы. Вот почему страшная тяжесть и грусть. И желание «нырнуть» — в философию, в писание книг, во что хочешь, только подальше от этой путаницы... Я еще не знаю, как я осуществляю свое «ныряние». <...> И вместе с тем при религиозной работе краски науки тускнеют и блекнут... <...> Мутить в философии — сам Бог велел; но перейдя к религ. работе я и тут начал взрывать трудности и м. б. отсюда эта мучительность³.

¹ О. Сергей Булгаков

² Фотокопия. Частный архив.

³ Фотокопия. Частный архив

Спустя годы в докладе «Религиозное осознание нашего беженства» Зандер скажет:

Но мы, оставшись без земли, невольно обращаем наши взоры на небо... Отсюда для многих из нас родилось новое отношение к Богу, и как некоторое открывание, раскрылось значение Церкви. Раньше мы или не знали Церкви, или не ценили ее так, как теперь, когда мы находим в ней то евангельское «сокровище», ради которого можно оставить все остальное. <...> само беженство, как и всякое несчастье, является для нас экзаменом, испытанием. Человек в тяжелых обстоятельствах — в бедности, в заключении, в изгнании — высказывает свое подлинное лицо. <...> как бы ни было тяжело и неопределенно наше положение, мы все же должны как-то устроиваться и на чужбине, хотя бы для того, чтобы не быть в тягость другим. <...> Потому что только заботясь о других, более нас нуждающихся, мы можем и в довольстве сохранить то, что *Достоевский* назвал «благообразным житием» (Курсив мой. — Т. Б.) [Зандер Л. А. 1949: 27–28].

Среди задач, стоявших перед русской эмиграцией, Зандер выделял и обязанности по отношению к *самим себе*:

Если мы сумеем чего-нибудь добиться в наших суровых, неопределенных условиях, то это будет для нас особенно ценно, это закалит и обогатит нас на будущее. Не будем же обманываться, Бог нам послал эти трудности не случайно, а чтобы они перевоспитали нас и к чему-то приготовили... [Зандер Л. А. 1949: 28–29].

Замечая в послевоенной церковной жизни русской эмиграции новую тенденцию — неукротимое стремление «*стать бытом*», Зандер напишет:

Сам по себе быт хорош, но в его обыденности и каждодневности мы слишком часто забываем, что Евангелие есть «благая весть», что Христианство есть «новая жизнь», что верующий есть «новая тварь» <...> наука и искусство, техника и экономика, политика и тактика — все должно стать церковью, должно быть пронизано ее благодатными лучами. Об этом писал *Достоевский*: — «...по русскому пониманию и упованию надо, чтобы не церковь перерождалось в государство, как из низшего в высший тип, а,

напротив, государство с наукой и цивилизацией должно кончить тем, чтобы сподобиться стать единственно лишь церковью и ничем иным более. И сие буди, буди» (Курсив мой. — Т. Б.) [Зандер Л. А. 1955: 44].

Везде, где останавливался жить на более или менее продолжительное время (Петербург, Пермь, Владивосток), Зандер создавал вокруг себя кружки: литературно-философские, религиозно-философские и иные, как, например, во Владивостоке, Харбине и Праге он организовал «Зеленое Кольцо» — кружок «людей, связанных общей работой искания так сказать безобъектного братства, или близости людей имеющей психологическое обоснование», «чуть ли не нормальный вид кружка, как кружка», членов кружка Зандер называл «зеленоколючниками»¹. Это был круг людей, которых объединял интерес к творчеству Достоевского. Как доцент Дальневосточного университета (1919–1922) Зандер не раз посещал Харбин (август 1920 г., июнь и сентябрь 1921 г., апрель 1922 г., январь–март 1923 г.), читал лекции на Высших экономико-юридических курсах, открытых 1 марта 1920 г. (вскоре преобразованных в Харбинский юридический факультет), в гимназии Хорвата, железнодорожном собрании и др. местах: о Достоевском как философе, о романе «Братья Карамазовы» (о Мите Карамазове, Иване, Алеше), «Соц. идеалы Достоевского», «Достоевский и наше время» и др. Зандер упоминает в доклады о Достоевском по приглашению студенческого кружка в Праге (март 1924), в конце декабря — начале февраля 1924 г. По приглашению кружка эмигрантов он посетил Париж, где прочел ряд докладов в зале русского посольства: «Заветы Достоевского», «Бог и Мир», и по-французски в помещении Французской Студенческой Федерации: «О русской идее у Достоевского», «О Православии».

Первые годы после переезда в конце 1925 г. в Париж приглашенный преподавать в Св.-Сергиевском Православном Богословском Институте логику Зандер продолжал читать лекции и руководить семинарами по изучению творчества Достоевского в Религиозно-философской академии. Семинары проходили с 5 ноября 1926 г. по март 1927 г. (по вторникам), первая лекция была посвящена разбору романа «Бесы»².

¹ Письмо В.А. Калашниковой, между 10 и 24 марта 1924 г. Фотокопия. Частный архив.

² Возрождение. 1926. 27 дек.

Выступал с докладами в аудиториях, где собирались русские эмигранты; объявления печатались в газете «Возрождение». Так 23 января 1927 г. Зандер делал доклад о Достоевском на тему «Поэт зла»¹, 24 мая 1927 г. — о «Записках из подполья»² в зале № 5 на площади дю Пале Бурбон, 18 марта 1928 г. читал лекцию о Достоевском в русской юношеской воскресной школе 10 на бульваре Монпарнас³. 9 июня 1928 г. в «День русской культуры» в общежитии русских студентов в Нанси (на рю де Страсбург, 96) — «Русская культура в идеях Ф. М. Достоевского»⁴. Помимо этого, 28 декабря 1926 г. выступал с докладом на тему «Поэма о злом бесе Достоевского» в зале Американского собора Святой Троицы, расположенном на авеню Георга V, в центре Парижа, по окончании предполагалось собеседование⁵.

Зандер руководил кружками, знакомящими с творчеством Достоевского, на многочисленных съездах РСХД, генеральным секретарем Движения он состоял с 1933 г. Так на втором Клермонтском съезде РСХД (июль 1927 г.) руководил кружком «религия и атеизм в произведениях Достоевского» [Зандер Л. А. 1928а: 77–78]. Во время первого съезда РСХД в Прибалтике, проходившем с 1 по 7 августа 1927 г. в Преображенской женской пустыни Рижского Св.-Троицкого женского монастыря, на котором присутствовало около 60 человек, в основном студенты из Латвии и Эстонии, организовал кружок: «диалектика романа “Братья Карамзовы”, как жизненно-философский путь к Церкви» [Зандер Л. А. 1929: 50].

Отец Сергей Булгаков, духовник Зандера, считал его «*всегда педагогом par excellence*» [Из переписки 1971: 76]. По воспоминаниям выпускника Богословского Института, активного деятеля РСХД, директора YMCA-Press И. В. Морозова, Зандер «не был кабинетным ученым, в нем прежде всего была удивительная потребность благовествовать людям» [Морозов: 45]. «При первом взгляде он на меня особого впечатления не произвел, — вспоминала одна из слушательниц. — Но вот он заговорил о Достоевском... До него я ничего никогда подобного не слышала. Впечатление было потрясающим. Впервые в жизни я поняла силу чело-

¹ Возрождение. 1927. 21 янв.

² Возрождение. 1927. 23 мая.

³ Возрождение. 1928. 18 марта

⁴ Возрождение. 1928. 8 июня.

⁵ Возрождение. 1926. 27 дек.

веческого слова» [Зандер В. А. 1984b: 273]. А. В. Карташев после встречи на первом съезде РСХД в Пшерове в 1924 г. назвал Л. А. Зандера «христианским подвижником» [Зандер В. А. 1984b: 272]. «...Невысокого роста, худой и несколько сгорбленный, но сильный духом и выносливый» [Зандер В. А. 1984с: 222]. «Маленький живой Л. А. Зандер <...> был, очевидно, рожден для того, чтобы сближаться людьми и сближать их между собой», — так отзывались о Зандере [Кузнецова: 43–44].

К *«русской философии»* Зандер относил не только тех, кто считается ее *«общепринятыми представителями»*, но и тех, кто *«искал мудрости, хотя и иными способами и на иных путях»* [Зандер Л. А. 1964–1965: 51] и потому причислял Ф. М. Достоевского (наряду с К. Н. Леонтьевым, В. В. Розановым, Ф. И. Тютчевым, Вяч. Ивановым) к религиозным русским философам, излагавшим *«свои мысли под видом повестей и романов..., стихов»* [Зандер Л. А. 1964–1965: 62]. По социальному положению *«русские философы»* представляли весьма разнообразную и пеструю группу: представители университетской науки, духовные лица, писатели, публицисты, поэты...; различия в их восприятии Православия Зандер объяснял разным духовным опытом, полученным ими:

Мы имеем в виду «простонародное» Православие Достоевского, вдохновлявшегося образами «мужика Марея» и простых крестьянок «в нетленной красоте их кроткого и молчаливого духа»; «барское» Православие Константина Леонтьева, с его изысканностью и культурностью, столь чуждое какой бы то ни было «демократичности», и не без оттенка снобизма; «эстетическое» Православие Павла Флоренского, сумевшего показать своим почитателям совершенно новые для них черты церковной красоты; «ученое» Православие историков, патрологов и литургистов, «профетическое» Православие Н. Бердяева и т. д. Все это разные аспекты одной и той же реальности, различные цвета спектра, преломляющего в призме личного опыта единый белый луч Православия. На поверхности они кажутся разными, но в своей глубине и основе — они одно и то же [Зандер Л. А. 1964–1965: 62].

Главной задачей при изучении творчества того или иного философа Зандер считал нахождение «основного вдохновения, которое легло в основу всего его творчества», хотя оно может представляться «не в чистом виде, а в многообразных, иногда противоречащих одно

другому преломлениях» [Зандер Л. А. 1964–1965: 53]. Это основное вдохновение

просто, конкретно и действенно исключительно благодаря своей внутренней покоряющей силе: «это пронзает сердце и потом навек остается рана», — говорит об этом Достоевский. Сам он хорошо знал это вдохновение, свою очарованность (на всю жизнь!) образом Христа. В «Легенде о Великом Инквизиторе» гениальной диалектике «мудрости века сего» противостоит только этот молчаливый образ, который своим простым присутствием, самым своим бытием опровергает и разрешает все сомнения, все муки бунтующего человеческого ума и смятенного человеческого сердца; и то же повторяется в остальных главах романа, в которых «опыт деятельной любви» должен служить ответом на все поставленные вопросы [Зандер Л. А. 1964–1965: 60].

Пример слияния в Достоевском философа и писателя, как это понимал Зандер, можно видеть в статье «Грустный рай»: вместе с Достоевским, отталкиваясь и одновременно опираясь на образы Достоевского, Зандер опровергал идею «о земном рае»:

«С неба упала большая звезда, горящая подобно светильнику и пала на реки и на источники вод, и они сделались горьки». Эти слова Апокалипсиса (8, 10) дважды являются предметом толкования в романах Достоевского. В первый раз их глубокий смысл раскрывается в пьяной речи Лукьяна Лебедева <...>. В другой раз «звезда павшая на источники вод», берется Достоевским в более широком смысле и означает не конкретное историческое явление — настроение эпохи, мирозерцание гуманизма, дух новой культуры, — но общую идею земного рая, стремление обосноваться на земле без Бога. Мы говорим о Легенде о Великом Инквизиторе, которая начинается с этих апокалиптических слов и развивает мысль, достойную своего эпитафия [Зандер Л. А. 1928b: 56, 57].

К «Легенде о Великом Инквизиторе» Зандер обращался в разных своих статьях, поскольку смысл легенды, как считал он,

во всем превосходит ее буквальное содержание и распространяется на бесконечные области жизни и перспективы мысли, только символически

обозначенные в образе Великого Инквизитора. <...> диалектика Великого Инквизитора является квинтэссенцией богоборчества, в которой содержатся все предшествующие его ступени. Ибо Бесы являются ничем иным, как полным огня и грязи эскизом Легенды, намеченном еще во сне Раскольникова. В Легенде мы находим Кириллова и Свидригайлова, Раскольникова и Шигалева; все они являются только моментами, подступами к той монолитной идеологии, которую противопоставляет Христу инквизитор. И с этой точки зрения построить опровержение диалектики В. И. — столь же глубокое и строгое как она сама, значит создать христианскую теодицею, и это является одной из труднейших и насущнейших задач философской и богословской мысли [Зандер Л. А. 1928b: 57, 58].

Достоевский, по мнению Зандера, изучил идею «земного рая» в историческом, социологическом и психологическом отношениях. По мнению Зандера, чтобы преодолеть утопию земного рая, мало его

диалектически помыслить, логически вывести, его надо увидеть, вообразить, пережить. Поэтому лучшим ответом на наш вопрос являются не философские умозаключения, а художественные образы, интуитивно рисующие состояние невозрожденного человека в земном раю. Поразительную картину этого мы опять-таки находим у Достоевского во сне и исповеди Версилова (в «Подростке») [Зандер Л. А. 1928b: 71].

Версилов «пережил и передумал все культурные идеалы Европы, все задачи ее мысли, все устремления ее воли», — пишет Зандер:

Так по крайней мере замыслил его Достоевский, вложив в его слова бесконечную поэзию осуществленной мечты, бесконечную грусть последнего разочарования. Сон Версилова в точности повторяет приведенный образ «Сна Смешного Человека». Исторический опыт Версилова совпадает с опытом смешного человека; он также знает о войнах и о военных слухах, о «брани и логике», о вражде наций и классов; он понимает «неотразимость текущей идеи», необходимость, «логичность» всех исторических ужасов, он знает, что «действительность всегда отзывается сапогом», но... «не может допустить этого». И «свободный в выборе он, плачет, плачет по старой идее — настоящими слезами, без красного слова [Зандер Л. А. 1928b: 72].

И Зандер приводит этот «замечательный образ достигнутого, осуществленного земного рая», который являет «собою полное подобие виденного сна, с тою только разницей, что один из них предшествует истории, а другой завершает ее, что в первом живут безгрешные люди, не ведающие зла, а во втором находят себе отдых уставшее и больное человечество, неспособное возродиться и носящее свою болезнь в самом себе» [Зандер Л. А. 1928b: 72–73]. Зандер приводит «удивительные строки — едва ли не самые поэтические, написанные Достоевским», описания «последнего дня человечества» ([Зандер Л. А. 1928b: 73–74]:

Итак, грусть — вот последнее слово земного рая. Не блаженство, не радость, а грусть. Откуда она? <...> Идеал больше не манит, потому что он уже не цель, но содержание жизни; умирает мечта, ибо воображение бессильно создать что-либо высшее действительности, а людям остается только одна реальность — безнадежная грусть вечного однообразия [Зандер Л. А. 1928b: 74, 75].

И задавая следующий вопрос «Где же выход?», Зандер предлагает только «намеки»:

Поразительно то, что Христианство утверждает радость как реальность: не как норму только, не как закон и долженствование, но как факт, как осуществление, как жизнь — которая причастна всей твари и которой следовательно может быть утешен каждый человек. И отсюда то властное повеление «радуйтесь», — которое проникает собою все Евангелие, всю жизнь Церкви, просветляя, преображая и утешая все человеческие немощи, всю земную скорбь [Зандер Л. А. 1928b: 77–78].

В статье «Зло и отрицание (литературно-философский экскурс)», посвященной анализу образа Мефистофеля Гете и «черта» Ивана Карамазова, Зандер «в нескольких словах» дает «объяснение и оправдание» используемого им метода: говорить о Мефистофеле (или о другом образе) «как о живом человеке, и о словах его как о реальной философской системе, сознательно игнорируя то обстоятельство, что он и его система суть создание поэта» [Зандер Л. А. 1960b. 48: 194].

В другой статье, рассуждая о самоочевидности философского характера романа «Доктор Живаго», отмечая схожесть мыслей и конкретных

образов Достоевского и Б. Л. Пастернака, который «продолжает Достоевского», например, «в образе “последнего дня европейского человечества”» [Зандер Л. А. 1959. 1: 43], Зандер отвечает на вопрос: «имеем ли мы право видеть в романе философское произведение? Не впадаем ли мы в таком случае в ту же ошибку: вычитывать или, вернее, “вчитывать” в роман те мысли, которые нам самим дороги и интересны?».

Зандер отвечал *«признанием»* неизбежности наличия некоторой доли субъективизма:

Не только всякое истолкование или комментирование, но даже всякое изложение и даже перевод, неизбежно являются стилизацией, выбором и предпочтением одних образов и мыслей, отставлением и отметанием других. Каждый смотрит на мир (а следовательно и на художественные произведения) *своими* глазами и в этом смысле то, что он в них видит, зависит как от силы и зоркости его зрения, так и от того, на что его внимание направлено, чего он ищет и что замечает (перцепция обуславливается аперцепцией) (Курсив автора. — Т. Б.) [Зандер Л. А. 1959. 1: 37–38].

Важно, *«чтобы живое видение не заменялось фантазированием»*, поэтому *«лучше всего держаться текста»* [Зандер Л. А. 1959. 1: 38]. При этом Зандер исходил из следующего положения:

Если та или иная мысль в романе содержится (безразлично, выражена ли пока от лица автора, или вложена в уста кого-либо из героев), то мы в праве говорить о ней, как принадлежащей к составу художественного произведения, как выражающей его смысл. В таком случае изучение романа явится чтением его глазами философа — что вполне законно и уместно, даже независимо от того, имел ли это в виду сам автор. Иногда подобный анализ философского смысла художественного произведения, раскрывающего его внутренний, часто только подразумеваемый смысл, является для самого автора радостной неожиданностью <...>. Но часто авторы подобных философских романов прекрасно знают, чего они хотят и о чем говорят, воплощая свои идеи в художественных образах («я, действительно, пожалуй философ, и кто знает, может, я и в самом деле мысль имею поучать»... говорит у Достоевского (и от имени Достоевского), князь Мышкин) (Курсив автора. — Т. Б.) [Зандер Л. А. 1959. 1: 38].

В августе 1926 г. в парижской газете «Возрождение» Зандер напечатал заметку о планах Мюнхенского издательства Рейнхарда Пипера издать в течение четырех лет 16 томов «неизданных произведений Достоевского на правах “оригинальных немецких произведений”»¹ и кратко изложил историю приобретения этих рукописей:

Во время большевизма в Севастополе умер сын Ф. М. Достоевского Федор Федорович. После него остался ящик неразобранных рукописей, который попал в местную Чеку, но был извлечен оттуда Луначарским. С другой стороны при национализации банков в Петрограде был найден жестяной ящик с богатым собранием рукописей, заметок, тетрадей и т.п. и, отчасти принадлежащих Ф. М. — отчасти его вдовы Анны Григорьевны. К этим материалам были приложены рукописи, хранившиеся в комнате Достоевского в Историческом Музее в Москве. Все эти материалы поступили в научную обработку ряда специалистов (Долинина, Бродского, Гливенка, Гроссмана, Комаровича, Петровского Сакулина), которым, однако, не суждено было увидеть плоды своих работ. «Центроархив» издал только две книги: часть «Дневника» Анны Григорьевны и «Исповедь Великого Грешника» (последняя тотчас же была переиздана издательством Orchis в Берлине). А затем все эти драгоценные рукописи и все права печатания, перевода и т. п. были проданы советскими властями издательству Пипера, которое получило таким образом, русскую драгоценность в свое полное распоряжение [Зандер Л. А. 1926: 3].

К моменту написания этой заметки в свет вышли три тома; кратко указав их содержание, Зандер подробно перечислил материалы, которые в дальнейшем должны составить

еще более интересные и значительные томы <...>. Нет сомнения, что все эти материалы явятся чистым золотом не только для исследователя творчества Достоевского, но и для рядового его читателя и почитателя. Достоевский до сих пор так мало изучен, что каждая подлинная строчка о нем может иметь огромное значение. Но немецкий перевод и значительно высокая цена книг (вернее: немецкой валюты) делают все это богатство мало-

¹ В издательстве Piper-Verlag в серии «Наследие Достоевского» с 1925 по 1931 г. было издано восемь томов [Богданова], [Романова].

доступным русскому читателю. Издательство Пипера — в своих проспектах и объявлениях об этом издании (сделанных с большой тщательностью и любовью) прямо говорит, что по своему значению Достоевский является не русским, но всемирным писателем; это соображение должно, очевидно, быть внутренним оправданием (помимо приобретенного куплей права) тому, что мысли русского гения в течение нескольких лет будут доступны только лицам, знающим немецкий язык. Пипер, конечно, по своему прав — и наше негодование может быть обращено только в сторону тех, кто сделал достояние русской культуры предметом иностранного рынка. Но объективно это может быть не так плохо; добросовестное немецкое издание лучше сохранит Достоевского, чем те, кто его продали. Что же касается самого издания, снабженного многими рисунками, примечаниями и т.п. (издание руководится писателем Рене Фюлоп-Мюллером), то русские издательства вряд ли могли обставить это дело так хорошо. И нам остается только быть благодарными немецкому издательству за то, что оно заботливо отнеслось к достоянию нашей литературы [Зандер Л. А. 1926: 3].

Значительно сокращенный вариант этой статьи под заглавием «Архив Достоевского» помещен в журнале «Путь» в 1927 г. Высказанные в рецензиях и статьях суждения Зандера о творчестве Достоевского и упоминания книг, выходящих не только в Европе, но и в России, свидетельствуют об отслеживании литературы, посвященной Достоевскому. Зандер упоминает книги и статьи протоиерея Вяч. Иванова, Н. А. Бердяева, Б. П. Вышеславцева, Л. П. Гроссмана, А. С. Долинина, В. В. Зеньковского, Л. П. Карсавина, А. С. Лурье, К. В. Мочульского, Ф. А. Степуна, Л. И. Шестова, Р. Гуардини (*Romano Guardini*), Р. Лаута (*Reinhard Lauth*), Дж. М. Мерри (*J. Middleton Murry*), А. Мацейны (*Autanas Maceina*) и др. Его немногочисленные рецензии, помещенные в «Вестнике РСХД», журналах «Путь» и «Православная мысль», посвящены книгам авторов, открывавших новую сторону в изучении творчества Достоевского, предлагавших новый подход или метод исследования.

Среди вышедшей за шесть лет после празднования в 1921 г. 100-летия со дня рождения Ф. М. Достоевского, «огромной литературы», по мнению Зандера, не было «ни одной книги, которая бы с достаточной полнотой» изучала «религиозные» взгляды писателя:

Причина этому проста: исходный путь в творчестве Достоевского доступен каждому мыслителю, ибо таковым, собственно говоря, является вся полнота философских и жизненных вопросов, вся проблематика европейской мысли и русской жизни. Преодолевая свои сомнения, разбираясь в заблуждениях своих героев, Достоевский отражает, изображает и обогащает нашу собственную жизнь; поэтому в качестве философа он является для нас мыслителем глубоко нам современным и конгениальным. Но есть у его мысли и его творчества конечная цель; и эта последняя остается для людей нашей эпохи запечатанной книгой, ибо ее мало прочесть и изучить — ее надо пережить и понять, а для этого требуется вся жизнь [Зандер Л. А. 1927а: 149].

Говоря о религиозной жизни Достоевского, Зандер ссылается на письмо к А. Н. Майкову (24 III — 5 IV 1870 г.), в котором Достоевский пишет, что «в качестве идеала он не хочет создавать ничего своего, но только изобразить Св. Тихона Задонского, которого давно принял в свою душу с восторгом. В “Дневнике писателя” (1876 г. февр. 11 ч.) он сетует на то, что в наше время никто не читает этого святителя: (“Поверьте, господа, что вы, к удивлению вашему, узнали бы прекрасные вещи” с. 67)» [Зандер Л. А. 1927а: 149].

Сопоставляя подобные высказывания Достоевского с образами епископа Тихона в «Бесах», старца Зосимы, Паисия и др. монахов, Зандер делает вывод:

Конечной целью мирозерцания Достоевского была православная аскетическая мысль, к которой он, преодолевая свои сомнения, шаг за шагом приближался и постепенно подводил своего читателя. Однако в этой области он коснулся только первых страниц раскрытой книги, только наметил вопросы, которые в церковном опыте уже имеют свою долгую историю и богатую литературу. Мы не знаем, насколько полно Достоевский был знаком с аскетическими и святоотеческими писаниями¹, но то отрицательное отношение, которое вызывали к себе образы старца Зосимы со

¹ В каталоге его библиотеки значатся: Симеон Нов. Богослов, Исаак Сириянин, Жизнеописания старца Леониды Оптинского, сказания инока Парфения и избранные жития святых. (Гроссман, Семинарий по Достоевскому, Москва. 1923, стр. 43–44. — *Примечание Зандера*).

стороны Оптинских старцев и та критика его построений, которую постоянно встречаешь со стороны людей, действительно близких к духовному миру — показывают, что в этой области творчество его является весьма неоформленным и незаконченным и спорны [Зандер Л. А. 1927а: 149].

К теме об аскетизме Зандер возвращается не раз, о «*проблеме подвига*», который «*есть не состояние, а действие*», «*единственно возможное содержание и цель человеческой жизни*» [Зандер Л. А. 1960а: 136, 131] он будет вести речь в 4-й главе книги «Тайна добра» (1946 г.), так и не найдя ответа на поставленный им же вопрос и, наконец, даст его в очерке «Монашество в творениях Достоевского: (Идеал и действительность)» (1963 г.), последней своей статье о Достоевском, о чем скажем ниже.

Зандер сформулировал важнейшее качество, которым должен обладать исследователь религиозной области творчества Достоевского: «...Чтобы понять и оценить религиозный мир Достоевского, — нужно быть им самим в большей степени чем он был собою сам или — говоря проще — надо посмотреть на изображенные им образы святости — взглядом самих святых, то есть с точки зрения аскетической литературы и церковной традиции» [Зандер Л. А. 1927а: 150]. Таковым богословским и духовным цензом, по мнению Зандера, обладал профессор семинарии в Сремских Карловцах иеромонах Иустин (Попович), автор книги «Философија и религија Ф. М. Достојевског» (Сремски Карловци, 1924), первоначально печатавшейся на страницах сербского журнала «Хришћански живот» (1922, 1923), выходившего в Белграде. После приезда в Европу в 1923 г. Зандер, владевший сербским языком, не раз бывал в Сербии по делам кружков РСХД и был знаком с о. Иустином. Опубликованная книга являлась сочинением, написанным для представления на докторскую степень во время обучения в Оксфорде (1916–1919), которое осталось незащищенным, так как о. Иустин «отказался выполнить рекомендации оксфордских профессоров и изменить критические оценки развития идей гуманизма и антропоцентризма в католицизме и протестантизме» [Э. П. П.]. Рецензия на книгу о. Иустина помещена в августовском номере журнала «Путь» за 1927 г. Зандер раскрывает содержание книги, состоящей из двух частей, введения и заключения: Часть I. Дьяволодицея. От человека-мыши к человеку-богу. Гл. 1. Борьба за личность. Гл. 2. Бунт. Гл. 3. Творцы человеко-бога. Гл. 4. Тайна атеистической философии и анархической

этики. Гл. 5. Достоевский — легион. Часть II. Православная теодицея. Гл. 1. Единственное утешение человечества. (Зандер в рецензии перевел: «единственная радость человечества»). Гл. 2. Над тайной пшеничного зерна. Гл. 3. Философия любви. Гл. 4. Наивысший синтез жизни. Гл. 5. Тайна Европы и России:

Зная цель пути и изучая Достоевского на фоне того мировоззрения, к которому он шел, сравнивая его мысль с учением Св. Макария Великого, Иоанна Лествичника, Ефрема Сирина и других аскетических писателей, — о. Попович не забывает и не отмечает пройденного философского пути, но рассматривает его с точки зрения не искомого идеала, а найденной истины. <...> автор не довольствуется простым отождествлением идеологии Достоевского с Православным учением, но детально показывает и доказывает, почему и в чем Достоевский является правозвестником Церковной Истины. И это дает о. Поповичу повод говорить о самой истине, рассматриваемой не только в себе (как это делается в богословской литературе), но и в отношении всех иных ложных учений, преодоленных и разоблаченных в творчестве Достоевского» [Зандер Л. А. 1927: 150].

По заключению Зандера, книга читается «с захватывающим интересом» и является «не только глубоким анализом творчества Достоевского, но и прекрасным “Введением в православное мирозерцание”» [Зандер Л. А. 1927: 150].

С восхищением оценивая труд о. Иустина, Зандер столь же определенно указывал «на большую лакуну» в философской и богословской частях книги:

В его построении совершенно отсутствует та стихия святого язычества, которой жил напр., В. В. Розанов, которая вдохновляла Гете (спуск к Матерям). И если проблема святости плоти является по существу своему весьма спорной, то говоря о Достоевском ее миновать нельзя: ибо она занимает в его творчестве очень значительное место. «Богородица что есть мнишь. — Богородица — мать сыра земля // — и великая в том для человека заключается радость» — этот мотив едва ли не самый гениальный из всех прозрений Достоевского совершенно отсутствует у о. Поповича. А между тем в литературе он не остался незамеченным. Достаточно указать на такую книгу, как «Философия хозяйства» — о. Сергея Булгакова, которая

вся выросла из этих слов Достоевского (частично этот относится к его же «Свету Невечернему»). <...> И если этот недостаток является чрезвычайно ощутительным сам по себе, по отношению к творчеству Достоевского он может быть охарактеризован как частично-неадекватное восприятие его мысли, ибо природа, земля, тварь — и как высшее достижение ее — Богоматерь — имели, как в мысли, так и в жизни Достоевского первостепенное значение... Наш упрек автору является слишком значительным и важным, чтобы претендовать на «поправку» к его превосходной книге. Мы скорее хотим поставить вопрос, заострить проблемы и наметить необходимость освещения другой стороны Достоевского, до сих пор не рассматривавшийся под богословским углом зрения [Зандер Л. А. 1927: 152–153].

Свою рецензию Зандер заканчивает словами: «...мы не можем не высказать того чувства благодарности, которое должен испытать каждый православный, каждый церковный, каждый русский человек при чтении труда о. Поповича. Его обязательно нужно перевести на русский язык» [Зандер Л. А. 1927: 153]. И тридцать лет спустя Зандер называл о. Иустина (Поповича) (в 2010 г. канонизирован в лике преподобных), одним «из самых глубоких исследователей Достоевского» [Зандер Л. А. 1953b: 23].

В декабре 1930 г. в том же парижском журнале «Путь» Зандер опубликовал рецензию на сборник статей и материалов «О Достоевском» [Зандер Л. А. 1930] под редакцией А. Л. Бема, руководившего деятельностью Семинария по изучению Достоевского при Русском народном университете в Праге, участником которого до отъезда в Париж в конце 1925 г. был и Зандер.

Рецензия открывается словами:

Литература о Достоевском огромна. И тем не менее научное изучение его только начинается. Поэтому в тех специальных областях, которые до сих пор почти не были затронуты общими обзорами его творчества, каждый день делаются открытия, проливающие на него совершенно новый свет [Зандер Л. А. 1930: 127].

Зандер приветствовал появление сборника, в котором рассматривались такие стороны творчества Достоевского, «*мимо которых исследователи обыкновенно проходили — совершенно их не замечая*» и от-

мечал некий «общий дух», улавливаемый в нем: «стремление раскрыть внутренние символически означенные моменты мысли Достоевского и притом преимущественно на основании анализа разных его произведений» [Зандер Л. А. 1930: 127]. Рецензент отмечал, что помимо богатства тем, новизны точек зрения и глубины разработки, в число «значительных исследований» о Достоевском этот сборник «в особенности» ставят предложенные методы исследования, и остановился на каждой статье.

«Чрезвычайный интерес» вызвала у Зандера статья Д. И. Чижевского «К проблеме двойника (*Из книги о формализме в этике*)», ибо автор «читает в творениях Д. те “идеи”, которыми он сознательно и бессознательно жил и относительно которых всю жизнь боялся, что “их не поймут”» [Зандер Л. А. 1930: 128]. Прекрасным дополнением к ней Зандер назвал статью Н. Е. Осипова «“Двойник. Петербургского поэма” Ф. М. Достоевского (*Заметки психиатра*)». «Специфической особенностью» метода автора, по мнению Зандера, «является то, что остроумие и тонкость психоаналитического метода не остаются у него висящими в воздухе, но связываются с некоторыми метафизическими построениями (правда недостаточно ясно выраженными), берущими свое начало // в русской философской традиции» [Зандер Л. А. 1930: 128–129]. Зандер посещал в Праге лекции Осипова о З. Фрейде. Отметил Зандер и «тонкий анализ» А. Л. Бема в статье «Драматизация бреда (“Хозяйка” Достоевского)», замечая, что «Хозяйка — это своеобразный трактат о взаимоотношениях “небыли” и “были” о реализации явлений внутреннего мира во вне» [Зандер Л. А. 1930: 129].

Но повышенный интерес рецензента вызвала статья Р. В. Плетнева «Земля (*Из работы “Природа в творчестве Достоевского”*)», в которой автор анализирует «чрезвычайно важное для Д. понятие “почвы”, разносторонне раскрывающееся в его религии (Богородица — мать сыра земля), этике <...> и социологии <...>. Интереснейшая тема — требующая дальнейшей разработки» [Зандер Л. А. 1930: 130]. Важность этой темы Зандер отмечал еще в рецензии на книгу о. Иустина (Поповича) и впоследствии посвятил отдельную главу «Земля благая» в своей книге «Тайна добра». Отец Сергей Булгаков, духовник, друг и учитель Зандера, отмечая в нем эту любовь к земле, писал жене Зандера:

Меня всегда несказанно трогает его любовь и память, которую он проявляет ко мне в горах. Но, кажется, еще никогда не было это так замечательно, как в этом году. Как я люблю в нем эту любовь к горам и к природе, и эту потребность, и эту способность переживать горы, погружаться душой в красоту мира и чувствовать софийную ризу божества [Из переписки 1994: 78].

Продолжая следить за послевоенной литературой о творчестве Достоевского, Зандер в 1953 г. заметил, что последние годы за границей «ознаменовались изданием целого ряда больших книг, посвященных творчеству Достоевского» [Зандер Л. А. 1953b: 20], называя сочинения Н. О. Лосского «Достоевский и его христианское понимание» (1953), К. В. Мочульского. «Достоевский. Жизнь и творчество» (1947), Reinhard'a Lauth'a. Die Philosophie Dostoiewskis in systematischer Darschtellung (1948), литовского философа Autanas Maceina. Der Grossinquisitor (Kerle, Heidelberg). По мнению Зандера,

несмотря на различие подходов, методов и тем, все эти книги имеют нечто общее, свидетельствующее о том, что изучение Достоевского вступило в новую фазу своего развития: все упомянутые авторы видят в Достоевском *философа* и относятся к его мировоззрению не как к дилетантской интуиции гениального романиста (или даже психолога), а как к ответственной философской мысли, которую надо изучать и понимать в связи с классическими системами философии. Это придает этим книгам особую вескость, ибо всякое философское свидетельство, есть всегда свидетельство об истине, а не только констатирование идейных влияний и литературных заимствований» (Курсив автора. — Т. Б.) [Зандер Л. А. 1953b: 21].

Темы Достоевского-философа Зандер не раз касается в своих статьях, о чем мы писали выше. Отдельно в разбираемой рецензии Зандер останавливает внимание на книге И. Бохатеца (Joseph Bohatec, 1887–1954) “Der Imperialismusgedanke und die Lebensphilosophie Dostojewskijs: ein Beitrag zur Kenntis des russischen Menschen” («Идея империализма и жизненная философия Достоевского: вклад в познание русского народа»), изданной в Кельне в 1951 г., как «на наиболее животрепещущей практически наиболее назидательной для нашего времени, обуреваемого политическими страстями и, вследствие этого, наиболее актуаль-

ной», к тому же предмет исследования — политические идеи Достоевского, по мнению Зандера, обычно игнорируется исследователями и читателями.

Зандер отмечает, что профессор Бохатец *«теснейшим образом»* связывает политические идеи Достоевского с его религиозно-философскими взглядами, поэтому они являются *«не политикой» в дурном прагматическом смысле этого слова*, а проповедью глубочайших убеждений Достоевского *«на языке современной ему проблематики»*:

И в этом смысле русский религиозный империализм (обосновываемый у Достоевского верой во вселенское призвание русского народа, каковое в свою очередь является национально историческим преломлением вселенского, правильно понятого Христианства — восточного Православия) качественно отличен от всех других империализмов, ищущих не величия, а величины, подменяющих идею служения жадой поработать и властвовать [Зандер Л. А. 1953b: 22].

Две первые части книги Бохатеца посвящены внутренней и внешней политике России, *«поскольку она преломлялась в религиозно-империалистическом сознании Достоевского»* [Зандер Л. А. 1953b: 22]. Зандер отмечал *«огромное знание»* автором фактов и литературы, его благожелательную объективность, желание понять и объяснить изучаемые воззрения Достоевского *«в их идеальном свете»*, последовательное рассмотрение основных мыслей Достоевского о русской действительности.

Выводы Бохатеца о том, что Россия была для Достоевского *«бесспорной носительницей высшей религиозной правды и что именно эта вера является основной пружиной всех его “империалистических” идей»* [Зандер Л. А. 1953b: 23] — важные для западного человека, для русского читателя, по мнению Зандера, имеют *«особое»* значение:

Ибо войны, революции и катастрофы, как бы трагичны и грандиозны они ни были, все же являются для нас эпизодом нашей истории, а не конечным приговором над будущим России. Поэтому они не могут разрушить ни нашей веры в Православие, ни нашей верности русским идеалам. Все наши разочарования (психологически неизбежные) должны носить поверхностный характер, не затрагивая нашего святого святых. Однако,

для сохранения этой веры и этой верности требуются немалые усилия и большая борьба: с самим собой, с окружающей обстановкой, наконец, со всем тем, что кажется очевидным и прикидывается здравым смыслом. Достоевский, как православный философ, велик для нас тем, что он в нас эту веру поддерживает и питает. Но мы обычно удовлетворяемся стволом, цветами и плодами его мысленного древа, забывая о его корнях и пренебрегая его листьями, в особенности, когда последние кажутся нам засохшими и унесенными от нас ветром истории. Проф. Бохатец оживляет для нас эти листья и заставляет нас заново продумывать те проблемы, которые только кажутся нам отошедшими в прошлое, а на самом деле стоят перед нами как ответственные и тревожные задачи, изменившие свое обличье и свою историческую одежду. В этом актуальность и жизненность этой книги [Зандер Л. А. 1953b: 23].

Зандер останавливает внимание на второй половине книги, посвященный *«жизненной философии»* Достоевского:

Автор исходит из того знаменательного (и обычно не замечаемого исследователями) различия, которое Достоевский делает между жизнью обыкновенной и «живой жизнью». Последнее понятие играет во всем мировоззрении Достоевского решающую роль; философски оно близко к тому «становящемуся» (*se faisant* в отличие от *tout fait*), которое было открыто Бергсоном и затем с такой глубиной разработано Пеги (параллель эта не случайна: R. Lauth считает, что Достоевский и Пеги — явления идеологически параллельные: оба своим творчеством восстанавливают и возрождают новое Христианство — один на Востоке, другое на Западе) [Зандер Л. А. 1953b: 23–24].

В заключение Зандер выражал надежду:

когда-нибудь, когда будет осуществимо издание ее на русском языке, эта работа займет почетное место в числе русских переводов лучших книг, написанных о Достоевском понимающими и любящими его иностранцами [Зандер Л. А. 1953b: 24].

Первое — французское — издание книги Зандера «Тайна добра. Проблема добра в творчестве Достоевского» — “Dostoievsky. Le

Probleme du Bien” (179 с., цена с пересылкой 10 фр.) вышло весной 1946 г. в издательстве Correa в серии “Témoignages chretiens” («Христианские свидетельства»). Перевод рукописи на французский язык был выполнен Ростиславом Гофманом (1915–1975), сыном известного пушкиниста М. Л. Гофмана (1887–1959), в свое время занимавшегося разбором бумаг Достоевского, конфискованных из сейфов частных банков; возможно, именно от старшего Гофмана, с 1923 г. жившего в Париже, Зандер в свое время узнал подробности, изложенные в заметке «Неизданный Достоевский» (1926). В № 6 (июнь 1946 г.) «Вестника Церковной Жизни» помещена рецензия на книгу профессора Школы восточных языков и славянского факультета Сорбонны Пьера Паскаля, о возможном знакомстве с которым Зандера во время Первой мировой войны упоминалось выше. Паскаль пишет:

Он Достоевском думают, что он описывал только образы зла. Автор доказывает однако, что некоторые из его героев представляют Добро и что добро это является у него не только человеческим качеством, но подлинной онтологической реальностью. <...> Если добро присуще природе, оно должно быть также присуще и человеку — микрокосмосу. Это человеческое добро является темой III главы «Незаметные». Это скрытое добро изображено Достоевским в серии женских типов, внешне незаметных и почти неотличимых, но носящих одно великое имя София (Божественной Премудрости). Они являются воплощением любви, жертвенности, духовной силы, религиозной души народа, материнства и верности «Жениху».

«Жених» (IV глава) — это Спаситель. Кн. Мышкин и Алеша дополняют друг друга в изображении Христа и этот образ Христов в соединении с аскетическим подвигом является для романиста и философа высшим достоинством добра, реальность коего состоит однако в причастии жизни человека Самого Христа.

Вышеприведенные строчки являются только грубой схемой, неспособной дать впечатление о богатстве и новизне мыслей, предлагаемых читателю на каждой странице книги. Многозначительные сближения с творчеством классических философов и поэтов — русских и иностранных, неожиданное развитие тем русской религиозности и мысли, углубление некоторых проблем христианства (догматика и пророчество, язычество и христианство и т.д.). Я еще не встречал книги о Достоевском, которая была бы столь богата новыми идеями, неожиданными точками зрения и

плодотворными рассуждениями — основанными на очень точном, подчас педантическом анализе текстов. К этому надо прибавить, что книга эта, несмотря на свой философский характер и специальную терминологию, написана простым и ясным языком и читается с большой приятностью и легкостью [Паскаль 1946].

В 1948 г. в Лондоне (SCM-Press) вышел английский перевод под кратким названием “Dostoievsky”; в 1956 г. в Штутгарте книга издана по-немецки: “Vom Geheimnis des Guten: eine Dostojewski Interpretation”. Наконец, в 1960 г. во Франкфурте-на-Майне в издательстве «Посев» книга вышла на русском языке с посвящением: «*Посвящается моей жене*». Интересно, как менялось заглавие книги: слово «тайна» появляется в немецком издании, в русском издании соединены? или разделены? «тайна добра» и «проблема добра в творчестве...». Текст русского издания был «переработан» [Никифоров: 600].

На русское издание книги в «Вестнике РСХД» (1961, № 1) перепечатана (с незначительными изменениями) рецензия П. Паскаля из «Вестника Церковной Жизни» (1946 г. № 6). В журнале «Наши дни» (издательство «Посев») появилась рецензия выпускника Св.-Сергиевского Богословского Института (1954) К. В. Фотиева [К. Ф.].

Несколько предваряющих замечаний о книге «Тайна добра».

1. С января 1945 г. Зандер приступил к изданию «на правах рукописи» ротаторного журнала «Вестник Церковной Жизни», не поступавшего в продажу и рассылаемого по адресам (своего рода предварительной подписке), последний № 8 вышел в июле 1947 г. Зандер был редактором и автором большей части статей. В передовой № 1 он писал о причинах или мотивах, побудивших издавать журнал, о наблюдаемых им настроениях и сомнениях, о людях, вопрошающих при виде стольких страданий и смерти:

Где же Бог, спрашивают они, если возможны такие ужасы, если само небо стало аренной борьбы и источником смерти? Но многие — в особенности из среды молодежи — не отрицая бытия Божия — перестают верить в промысел. Если мир предоставлен силам зла, если в истории нет ни смысла, ни цели, то Бог бесконечно далек от мира, чужд и непонятен. К Нему уже нечего обращаться и не о чем просить. <...> можем ли мы действительно верить во вселенское значение нашего дела? Ведь силы наши ничтожны,

голос наш слаб. Да, это было бы так, если бы силы, которыми мы действуем были действительно только нашими силами и голос, которым мы говорил был бы только нашим голосом. Но мы знаем, что это не так. Мы знаем, что сила христиан есть сила Христа; и голос христиан есть голос Бога. А для этой силы и для этого голоса нет ни границ, ни невозможности [Зандер Л. А. 1945a].

Выскажем предположение, что появление книги «Тайна добра» (как, и самого журнала), отчасти было *вызвано* и стало *ответом* на эти настроения и вопрошания, во всяком случае, в какой-то мере они присутствовали. Учитывая чуткость и отзывчивость Зандера к духовным запросам, *«потребность благовествовать людям»* (тот самый *«своего рода провиденциальный стиль, из кот. не выскочишь»*, о котором он писал в 1924 г.), Зандер обратился к Достоевскому, *вместе с ним* раскрывая и доказывая, что добро есть подлинная онтологическая реальность, присутствующая в мире и существующая *«вне человека»* [Зандер Л. А. 1960a: 8]. Свою книгу «Тайна добра» Зандер начинал словами: «Проблема добра является в творчестве Достоевского одновременно одной из наиболее важных и трудных. Нет никакого сомнения в том, что именно добро является конечной целью его исканий, той точкой, к которой стремятся все нити его сложной и часто запутанной диалектики» [Зандер Л. А. 1960a: 7]. Одновременно с выходом в 1960 г. в издательстве «Посев» переработанного издания «Тайны добра» на русском языке в журнале «Грани» (№ 47, 48) того же издательства, была помещена статья Зандера «Зло и отрицание (литературно-философский экскурс)», в которой рассмотрена природа зла.

2. С 1942 г. Зандер трудился над тем, чтобы изложить «систему» о. Сергея Булгакова с целью *«помочь понять ее, побудить к более глубокому проникновению в его мысль»*, причем излагал материал *«по возможности его собственными словами»* [Зандер Л. А. 1948: 9], что было одобрено и о. Сергием. Два тома книги Зандера «Бог и мир (Мирозерцание отца Сергея Булгакова)» вышли в Париже в 1948 г. В предисловии Зандер пишет:

В течение двадцати лет мне было дано жить и работать в свете его мудрости и вдохновений. Это лучшее время моей жизни было увенчано единственным и редким счастьем: возможностью писать о любимом учителе

еще при его жизни, беседовать с ним по поводу написанного, слушать его собственные слова о моем труда, полные смирения и любви [Зандер Л. А. 1948: 9].

После смерти отца Сергия (†13 июля 1944) Зандер занимался разбором его рукописей и подготовкой к печати еще неизданных сочинений, изданию которых посвятил последующие несколько лет. Свт. Иоанн (Максимович), говоря о странствиях Зандера в *«тонких и настойчивых интерпретациях интеллектуально-ветвистого древа о. Сергия»*, называл его *«единственным учеником системы о. С. Н. Булгакова»* [Иоанн (Шаховской): 36]. По свидетельству декана (потом ректора) Св.-Сергиевского Богословского Института протоиерея Алексея Князева, Л. А. Зандер умел *«понимать изначальную интуицию всех философских систем и тех религиозных учений»*, с которыми ему приходилось встречаться: *«Всем бых вся...»* [Князев: 37] и он *«сильней, чем прежде, стал собой после встречи с о. Сергием, чьей памяти, до конца, был он так горячо, так деятельно предан»* [Князев: 40]. Имя протоиерея С. Н. Булгакова часто упоминается в статьях Зандера, на страницах книги *«Тайна добра»* не просто его влияние, но некая *«апробация»* учения о Софии — Премудрости Божией для понимания и раскрытия творчества Достоевского.

По признанию Зандера, *«многократные опыты»* с текстом романов Достоевского убедили его в том, что только анализ каждого понятия,

изучение всех деталей текста открывает нам глубокое значение и философское содержание произведений Достоевского. Вне этого мы невольно ограничиваемся более общими положениями — пусть верными по существу, но не схватывающими самой сути его мысли. Настоящее исследование является опытом подобного изучения некоторых тем и отрывков, которые почти не были замечены философской критикой, хотя имеют для мировоззрения Достоевского основополагающее значение [Зандер Л. А. 1960а: 139].

Приведем несколько примеров.

Глава *«Земля благая»* посвящена раскрытию темы религиозной связи человека с землей.

Эта древняя истина о живоносной силе земли и о ее таинственной связи с человеком — провозглашенная с такой силой Достоевским — не осталась изолированной и бесплодной в истории русской мысли [Зандер Л. А. 1960а: 33].

Развитие ее Зандер видит в софиологическом учении о. С. Булгакова:

Только в свете этой доктрины уясняются нам прозрения Достоевского, каковые вне софиологической концепции остаются снами и видениями, не раскрытыми в своем онтологическом и религиозном смысле. Для того, чтобы они зацвели для нас во всей своей космической, антропологической и богословской глубине — понадобилась огромная философская и научная работа, благодаря которой — в настоящее время — мы и в зерне этого древа можем различить зародыши тех цветов и плодов, которые может быть отчетливо не видел и сам Достоевский. Однако анализируя его текст мы видим, что сознательно или бессознательно он вложил в него такое богатство мысли, такую глубину содержания, что посвященные этой теме страницы должны быть изучаемы с той же тщательностью и ответственностью, с которыми мы подходим к величайшим памятникам человеческой мудрости [Зандер Л. А. 1960а: 33].

В главе «Незаметные» Зандер обращается к образам Достоевского, в которых «предносилась ему “софийность” человека, то есть изначальная красота и добро его природы» [Зандер Л. А. 1960а: 64]:

Найти эти образы не трудно, для этого достаточно внимательно приглядеться к тем именам, которые Достоевский давал своим героям и которые у него никогда не были случайными. <...> мы не можем ни обратить внимания на то, что целый ряд женских образов носит у него имя Премудрости; София Семеновна (Мармеладова), София Андреевна (Долгорукая — мать Подростка), София Ивановна (вторая жена Федора Павловича Карамазова, мать Алеши), София Матвеевна (Улитина — ангел хранитель последних дней Степана Трофимовича в Бесах) [Зандер Л. А. 1960а: 64].

Изучение этих образов «*в связи друг с другом*» убеждает Зандера, что они

не только имеют общий характер и общую судьбу, но что они взаимно дополняют одна другую, так что в конечном итоге черты их сливаются в единый образ жены и матери — бесконечно содержательный, бесконечно нежный — позволяющий нам говорить о них, как о частях единого синтетического символа всего ценного и интимно-дорогого [Зандер Л. А. 1960а: 64–65].

Зандер также отмечает, что «все эти образы имеют общую литературную судьбу, или — правильнее — общее отсутствие таковой. Критическая и философская мысль, составляющая целые горы комментариев ко всем героям и типам Достоевского, почти не заметила их», или авторы «бросают в их сторону презрительные замечания, что и замечать то в них нечего» [Зандер Л. А. 1960а: 65]. Исключение, по Зандеру, составляют, только о. С. Булгаков, Вяч. Иванов и Р. Guardini. «Нет никакого сомнения что в сознания Достоевского все софийные женские образы носят глубоко народный характер, — более того — непосредственно принадлежат народу» [Зандер Л. А. 1960а: 81].

Также Зандер обращал внимание на символику имен, которая «является особой тайнописью Достоевского, требующей своего философского раскрытия». Рассматривая ее на примере «Братьев Карамазовых», Зандер отмечает:

Все эти символические образы расположены в лествичном порядке между таинственным в своем духовном умирании и разложении «Божьим даром» (Феодор Павлович; Феодор значит — Божий дар; ср. эпитафия к роману: Ио. 12,24 — о зерне, умирающем в земле) и «Жизненным» (Зосимой), — т. е. отцом по плоти и отцом по духу трех братьев, символизирующих в своей совокупности всю Россию, а может быть, и все человечество. Для того, чтобы давать своим героям символические имена Достоевскому совсем не надо было делать экскурсию в греческое корнесловие. Для этого ему достаточно было взять в руки любой календарь со списком имен, принятых Православной Церковью и с обозначением их буквальных смыслов. Что такой календарь среди книг Достоевского действительно находился, мы знаем из исследования Л. Гроссмана «Библиотеки Достоевского» [Зандер Л. А. 1960а: 143–144].

В 1953 г. в Париже вышла книга о. С. Булгакова «Философия имени», которую сам автор считал своей *«самой философской книгой»*,

подготовил ее к изданию (окончательного текста рукописи не было) и редактором был Зандер.

В заключительной четвертой главе «Жених» Зандер обращается к *последнему слову философской мысли Достоевского или «последней» теме философии добра — подвигу, к чему «ведет вся сложная диалектика человеческого делания»* [Зандер Л. А. 1960а: 131]:

Но говоря о подвиге, мы стоим на той грани, которую Достоевский художественно не переступил; его диалектика подводит нас к проблеме подвига; он указывает на него, как на единственно возможное содержание и цель человеческой жизни; но сам он подвига почти не описывает. Он упорно называет Алешу деятелем, но «деятелем неопределенным, невыяснившимся»; он «несет в себе сердцевину целого», но вся его жизнь впереди, — весь его подвиг — в будущем. Почему это так — на это трудно ответить [Зандер Л. А. 1960а: 131].

В то же время Зандер отмечает, что не дав («не успев или не мог») подвигу «литературно-художественного оформления, но приняв его за основу своей собственной жизни» — Достоевский «указал на него, как на путь добра, которому верил и по которому шел сам» [Зандер Л. А. 1960а: 136].

По мнению Зандера, ответ на поставленную Достоевским проблему дан отцом Сергием Булгаковым в книге «Друг Жениха» (Париж, 1928):

Эти мысли лежат в основании того учения о человеке, его подвиге и судьбе, которое составляет содержание книги о. С. Булгакова «Друг Жениха». Опираясь на церковное почитание Иоанна Предтечи, как высочайшего представителя человечества — в этом труде закладывается основа православной антропологии, которая естественно венчает собою диалектику Достоевского. <...> Вникая в эти тайны человеческого призвания и судьбы, мы стоим на грани мысли Достоевского. Ибо он подводит нас к этим проблемам, прокладывая к ним трудный путь через стремнины греха и сомнений; и, подведя нас к вратам православного мировоззрения, завещает продолжать его труд, который, как для него, так и для нас является не только благословенным памятником его гениальности, но подлинным шагом вперед в домостроительстве нашего спасения [Зандер Л. А. 1960а: 137–138].

Зандер также указывал, что *«софиологические мотивы»* Достоевский разрабатывал в «Подростке» — *«экстатическое восприятие мира странником Макаром»*, в «Бесах» — *«откровения Хромоножки»*, о чем писал о. С. Булгаков в сборнике «Тихие думы» («Русская трагедия») и в «*Братьях Карамазовых*» (Кана Галилейская)» [Зандер Л. А. 1960b. 48: 206].

В том же 1960 г. во Франфурт-на-Майне в журнале «Грани» (издательство «Посев») напечатана статья Зандера «Зло и отрицание (литературно-философский экскурс)». Зандер сравнивает образы Мефистофеля из трагедии «Фауст» Гете и «черта» из «Братьев Карамазовых», с целью *«выявить отрицательный характер демонической мысли, показать, каким образом функция отрицания является сущностью как мышления, так и бытия злого начала»* [Зандер Л. А. 1960b. 48: 195]:

Разрушительная сила зла направлена, таким образом, в конечном итоге на свое собственное бытие; существование зла как такового невозможно: без «питательного бульона», без тела, на котором оно паразитирует, оно не имеет силы, ибо сущность его функциональна, а не субстанциональна. Или — если перевести это на язык логики: чистое, изначальное отрицание немислимо; оно может осуществиться только как вторичный акт, как разрушение предшествующего ему утверждения... [Зандер Л. А. 1960b. 47: 197].

Все положения, которые «черт» высказывает в своей «болтовне» с Иваном Карамазовым «составляют в своей совокупности некую систему, своеобразное мировоззрение, весьма близкое к тому, которое развивает перед Фаустом Мефистофель», «основной их пружиной является отрицание, то есть колебание, опорочивание, разрушение основных изначальных истин» [Зандер Л. А. 1960b. 48: 197]. «Это сродство Божеского и человеческого миров, составляющее самую суть софиологической доктрины..., получает здесь кошунственное и пародийное применение: “все, что есть у вас, есть и у нас” говорит черт» [Зандер Л. А. 1960b. 48: 206]:

Мы видим, что отрицание является самой сущностью мышления черта. Он отрицает все: силу разума и реальность мира; смысл мироздания и цели истории; человечность человека и божественность Бога. Но поскольку его отрицание перерастает всякие мыслимые границы, оно обращается

на него самого, и он исчезает как кошмар или галлюцинация — в плане феноменальном, и определяется как дух небытия и самоуничтожения — в плане духовном [Зандер Л. А. 1960b. 48: 212].

В 1962 г. Зандер напечатал рецензию на книгу выпускника (1928) и профессора Богословского Института доктора богословия и философии Павла Николаевича Евдокимова (1901–1970) “Gogol et Dostoïevski ou la descente aux enfers” («Гоголь и Достоевский, или Сошествие во ад», 1961), явившуюся *«переработкой и обновлением»* докторской диссертации «Достоевский и проблема зла» (Dostoïevski et le problème du mal. Paris, 1942), в которой Евдокимов большое внимание уделил анализу легенды о Великом Инквизиторе.

Прежде всего Зандер указывает на два способа *«познавания чужого творчества»*: *«можно обойти его кругом и отметить и описать все особенности всех его сторон; и можно вселиться в него и усмотреть его единство изнутри, почти что отождествив себя с ним»* [Зандер Л. А. 1962: 64]. По мнению Зандера, Евдокимов *«сознательно»* избрал второй путь, что придает книге *«свежесть, современность, новизну, выдвигая ее в ряд наиболее интересных книг, написанных о Гоголе и о Достоевском»* [Зандер Л. А. 1962: 64]. Зандер отмечает, что творчество Гоголя и Достоевского рассматривается в хронологическом порядке произведений в связи с биографиями писателей, что позволяет отнести книгу к исследованию по русской литературе:

На самом же деле автор не просто излагает их мысли, но входит в их духовный мир, принимает их проблематику и, изучая их духовный путь, проходит его сам. Более того: он продолжает этот путь, полагая, что в области мысли основным является та духовная реальность, пред которой в изумлении стоят философ и художник, а не их попытки (как бы удачны и совершенны они ни были) эту реальность схватить, зафиксировать и сделать доступной другим. Поэтому книга П. Н. Евдокимова не есть история литературы, не есть даже история философии, а сама философия, искание «самого главного» (по определению Плотина). Она есть подлинное продолжение духовного труда Гоголя и Достоевского по «преодолению ада» [Зандер Л. А. 1962: 64–65].

И эта характеристика есть в определенной мере «автопортрет» Зандера. Суждения Евдокимова

ясно начертывают тот путь, который рисуется Достоевскому в качестве единственного возможного преодоления ада. <...> Практическим осуществлением этого пути является по Достоевскому — Евдокимову *внутреннее «белое» иночество* — “monachisme intérieurisé”, формула которого дана в «завещании» старца Зосимы любимому им Алеше, а через него — всей русской молодежи: «мыслью о тебе так: изыдешь из стен монастыря, а в миру пребудешь как инок; много будешь иметь противников, но и самые враги твои будут любить тебя; много несчастий принесет тебе жизнь, но ими ты и счастлив будешь и жизнь благословишь, и других благословить заставишь... [Зандер Л. А. 1962: 68].

В развитие темы о внутреннем или тайном монашестве (внутреннем «белом» иночестве) в 1963 г. в «Вестнике РСХД» появилась статья самого Зандера «Монашество в творениях Достоевского: (Идеал и действительность)» — последний его труд о Достоевском. Прежде всего, Зандер не соглашается с мнением К. Н. Леонтьева, что «Достоевский плохо знал монашество¹, или хотел учить монахов», считая, что сама постановка вопроса, «в основных и исходных точках мысли и творчества... у Достоевского и Леонтьева были глубоко различны» [Зандер Л. А. 1963b: 55]. В подтверждение своего суждения о праве Достоевского говорить о монашестве Зандер приводит мнение В. В. Розанова (что делает не раз в статьях о Достоевском), называя Розанова одним из «немногих мыслителей, который по глубине своей мысли, по зоркости своего взгляда — может действительно вести с ним “диалог”» [Зандер Л. А. 1963b: 55]. Зандер цитирует заметку Розанова «28 января 1881 — 1901 г.» из сборника «Около церковных стен» (1906) о том, что идеи Достоевского «*психологические и метафизические — суть идеи в глубочайшем смысле религиозные*», что в своих романах и повестях Достоевский является «старцем-мечтателем, анализ которого точно пробурил самое дно “сложения человеческого”, а воображение построяет совершенно новые миры и еще никогда не ис-

¹ «в этом мире (монашеском) я знаток и монастырь русский знаю с детства» (из письма к А. Н. Майкову от 25 марта 1870 г.) <...>». *Примеч. Л. А. Зандера.*

пытанные и не почувствованные схемы отношений между людьми! Он так и называет это: “сон, сон”. Но тут же прибавляет, что сон этот реальнее всякой действительности» [Зандер Л. А. 1963b: 55–56].

Как бы продолжая мысль Розанова, Зандер пишет:

Поэтому обвинять Достоевского в том, что он неверно изобразил действительность — неверно и нелепо. Он ее и не хотел совсем изображать. Он пользовался ее образами для того, чтобы при их посредстве (отталкиваясь от них или преображая их) вести читателя к «реализму в высшем смысле» (как определял этот мир он сам): к «идеям» Платона, к «логосам и прообразам» святоотеческой мысли, к «нуменам» кантианской метафизики, к «архетипам» психологии глубин...

Поэтому говоря о «монашестве у Достоевского», мы имеем дело не с феноменологическим анализом исторических форм монашества, а с вопросом о том, чем монашество должно быть, каковая его идея и его идеал [Зандер Л. А. 1963b: 56].

На вопрос, чего ждет Достоевский «от “будущего монаха”, в чем заключается “возможное значение русского инока”?» [Зандер Л. А. 1963b: 68] Зандер отвечает, что последним словом Достоевского о русском иноке «является призыв к углублению монашеского подвига до его онтологических глубин, до его мистической сущности» независимо от «внешних форм», которые являются «вторичными» [Зандер Л. А. 1963b: 70]. Зандер задает и другой вопрос: «является ли идея “внутреннего монашества” только мечтой Достоевского, или же она имеет шансы исторического осуществления, психологического и социального воплощения? <...> был ли Достоевский только проповедником своей идеи, или же пророком новых возможностей духовной жизни, “реалистом в высшем смысле” (каковым он себя всегда считал), которому дано было, «живя в условиях чуждого катастрофичности XIX века, прозреть иную эпоху, которая потребовала новых форм духовности...» [Зандер Л. А. 1963b: 70]. И отвечая на него, Зандер утверждал:

то внутреннее монашество, о котором мечтал и писал Достоевский в наше время все более и более становится реальностью и притом реальностью экуменической, трансконфессиональной, далеко выходящей за пределы мысли Достоевского. <...> Современному человеку нужны не слова,

а дела, не внешние формы, а внутреннее содержание, не общественные установки, а личные отношения. И ответом на эту потребность, на эту жажду современного человека и является внутреннее монашество, провозглашенное и проповеданное Достоевским и осуществляемое «современными» монахами, сознательно и бессознательно идущими по пути, предсказанном русским гением [Зандер Л. А. 1963b: 72].

Таким образом, по Зандеру, внутреннее «белое» иночество или «внутреннее» («тайное») монашество и есть ответ или решение «проблемы подвига» в творчестве Достоевского и завершение поисков, на которые была направлена «православная аскетическая мысль» Достоевского, о чем Зандер писал в 1927 г. в рецензии на книгу Иустина (Поповича).

Исследованию Достоевского Зандер посвятил более 50 лет, обращаясь ко всему спектру наследия — романам, повестям, рассказам, дневникам, письмам, отслеживая литературу о Достоевском, выходявшую помимо русского на английском, немецком, французском, сербском и других языках. В числе наиболее глубоких исследователей Достоевского Зандер называл архимандрита Иустина (Поповича) и В. В. Розанова. Выделял также труды Вяч. Иванова, Б. П. Вышеславцева, А. Л. Бема, Р. В. Плетнева, П. Н. Евдокимова, К. В. Мочульского, Ф. А. Степуна, из иностранных Р. Гуардини, И. Бохатеца, Р. Лаута, Дж. М. Мерри. И, конечно, особое место отводил протоиерею С. Н. Булгакову.

Лекции, семинары, кружки Зандера в среде русской эмиграции о творчестве Достоевского были неотъемлемой частью творческого процесса изучения и открытия творчества Достоевского *другому*. Во время многочисленных поездок по Европе, он нередко выступал с докладами о Достоевском в Англии, Швейцарии, Нидерландах и других странах, иногда это были большие университетские аудитории, иногда деревенские церкви или просто беседы с пасторами, проявлявшими интерес и любовь к творчеству великого русского писателя.

В последнем слове декан Св.-Сергиевской Православной Богословской Института протоиерей Алексей Князев упоминая о «несметных заслугах» Зандера «как философа, религиозного мыслителя, профессора, педагога, руководителя молодежи, экуменического деятеля», говорил о «грандиозности и разносторонности» его дела на земле, на что указывают «множество людей», окружающих гроб и пришедших про-

водить его в последний путь: «И кого здесь только нет? Какие церкви, исповедания, учреждения, религиозные или университетские центры, какие города и страны здесь только не представлены?» [Князев: 38].

Глубокий многовекторный анализ творчества Достоевского — результат не только обширных познаний и тщательного анализа текстов, длительного изучения и «вчувствования» в Достоевского, позволявших увидеть связи и развитие образов и смыслов, литературную и идейную судьбу героев. В это искусство понимания «другого» вложены мудрость, любовь и весь огромный разнообразный полученный Зандером «опыт знаний и опыт жизни» — *реальности вещей, сущностей и людей*.

Список литературы Источники

Библиография. Л. А. Зандер. «Тайна добра». П. Паскаль // Вестник РСХД. 1961. № 1(50). С. 51–52.

Вейдле В. В. В печали об ушедшем // Вестник РСХД. Париж–Нью-Йорк. 1964. № 4. 1965. № 1 (75–76). С. 39–40.

Зандер В. А. Путь моей жизни (Интервью, взятое Н. А. Струве в связи с 90-летием) // Вестник РХД. (Париж–Нью-Йорк — Москва). 1984а. №1–2 (141). С. 202–226.

Зандер В. А. Путь моей жизни // Вестник РХД. (Париж–Нью-Йорк — Москва). 1984б. № 3 (142). С. 271–287.

Зандер В. А. Путь моей жизни // Вестник РХД. (Париж–Нью-Йорк — Москва). 1984с. № 4 (143). С. 217–230.

Зандер Л. А. Сверхъестественное у Тургенева. Литературно-психологический этюд // Лицейский журнал. 1910–1911. № 2–3. С. 38–47. Отд. отт. [СПб., 1911]. 10 с.

Зандер Л. А. Несколько слов о трилогии Мережковского «Христос и Антихрист» // Лицейский журнал. 1911–1912. № 2. С. 3–14. Отд. отт. [СПб., 1911]. 12 с.

Зандер Л. А. Заметка о «Лицейском журнале», его характере, направлении и прочем // Лицейский журнал 1913–1914. III. С. 72–79.

Зандер Л. А. Нравственная ценность войны // Вестник Красного Креста. 1915. № 8. С. 3393–3420. Отд. отт.: Пг.: Гос. тип., 1915. 30 с.

Зандер Л. А. Неизданный Достоевский // Возрождение (Париж). 1926. № 426. 12 августа. С. 3.

Зандер Л. А. Архив Достоевского // Путь. 1927. № 6. Январь. С. 133–134.

Зандер Л. А. Новая книга о Достоевском как введение в православное мировоззрение. И. Попович. Философия и религия Достоевского. Изд. Христ. Живот. Сремски Карловци. 1924 // Путь. 1927. № 8. Август. С. 149–153.

Зандер Л. А. Съезд о России // Путь. 1928а. № 9. Январь. С. 75–80.

Зандер Л. А. Грустный рай: (о преодолении искушения земного рая) // Путь. 1928б. № 14. С. 56–79.

Зандер Л. А. В тихом скиту. (Съезд в Преображенской пустыни) // Вестник РСХД. 1929. № 1–2. С. 48–52.

Зандер Л. А. «О Достоевском». Сборник статей / под ред. А. Л. Бема // Путь. 1930. Вып. 25. Декабрь. С. 127–131.

Зандер Л. А. Передовая // Вестник Церковной Жизни. 1945а. № 1. Январь.

Зандер Л. А. Передовая // Вестник Церковной Жизни. 1945б. № 3. Июль. С. 1–2.

Зандер Л. А. Бог и мир (Миросозерцание отца Сергия Булгакова): в 2 т. Париж: YMCA-Press, 1948. Т. 1. 479 с.; Т. 2. 386 с.

Зандер Л. А. Религиозное осознание нашего беженства. (Запись доклада проф. Л. А. Зандера) // Вестник РСХД в Мюнхене. 1949. Мюнхен. № 2. С. 27–29.

Зандер Л. А. Прологомены экзегезы // Православная мысль. 1953а. Вып. 9. С. 43–50.

Зандер Л. Joseph Bohater. Das Imperialismusgedanke der Lebensphilosophie Dostojewskis. (Н. Boehlans. Graz-Koeln. 1951. 364 S.) // Вестник РСХД. Париж. 1953б. № 3 (28). Май–июнь. С. 20–24.

Зандер Л. А. О съездах Р.С.Х.Д. и о их задаче // Вестник РСХД. Париж–Нью-Йорк. 1955. № 2 (37). С. 44–45.

Зандер Л. А. Философские темы в романе Пастернака «Доктор Живаго» // Вестник РСХД. Париж–Нью-Йорк. 1959. № 1(52). С. 36–44; № 2 (53). С. 37–48.

Зандер Л. А. Тайна добра. Проблема добра в творчестве Достоевского. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1960а. 154 с.

Зандер Л. А. Зло и отрицание (литературно-философский экскурс) // Грани. 1960б. № 47. С. 191–202; № 48. С. 194–212.

Зандер Л. А. Ад и рай. По поводу двух последних книг П. Н. Евдокимова // Вестник РСХД. Париж–Нью-Йорк. 1962. Вып. № 3–4 (66–67). С. 64–74.

Зандер Л. А. Памяти Н. Н. Бубнова // Вестник РСХД, 1963а. №1–2 (68–69). С. 60–63.

Зандер Л. А. Монашество в творениях Достоевского: (Идеал и действительность) // Вестник РСХД. Париж–Нью-Йорк. 1963б. № 3–4 (70–71). С. 55–72.

Зандер Л. А. О Ф. А. Степуне и о некоторых его книгах // Мосты. Альманах. Мюнхен. 1963с. Т. 10. С. 318–340.

Зандер Л. А. Русская религиозная философия и Православная Церковь // Вестник РСХД. Париж – Нью-Йорк. 1964. № 4. 1965. № 1 (75–76). С. 51–65.

Из переписки о. Сергия Булгакова с В. А. и Л. А. Зандер // Вестник РСХД. Париж – Нью-Йорк. 1971. № 3–4 (101–102). С. 71–84.

Из переписки (Письма к Л. и В. Зандер, о. А. Калашникову, Е. К. Калашниковой и матери Бландине Оболенской) // Вестник РСХД. Париж – Нью-Йорк — Москва. 1994. № 3 (170). С. 73–84.

Иоанн (Шаховской), архиеп. Лев церковный. Памяти Л. А. Зандера // Вестник РСХД. Париж–Нью-Йорк. 1964. № 4, 1965. № 1 (75–76). С. 36–37.

К. Ф. [Фотиев К. В.] «Тайна добра» [Рецензия] // Наши дни. Посев. Франкфурт-на-Майне. 1960. № 7(19). С. 123–125.

Князев Алексей, прот. Слово на погребении Л. А. Зандера // Вестник РСХД. Париж–Нью-Йорк. 1964. № 4, 1965. № 1 (75–76). С. 37–39.

Кузнецова Г. Впечатления от съезда Р.С.Х.Д. в Берхтесгадене // Вестник РСХД. 1949. № 7–8. С. 42–47.

Морозов И. В. Памяти Л.А. Зандера // Вестник РСХД. 1964. № 4, 1965. № 1 (75–76). С. 44–46.

Памяти профессора Л. А. Зандера. Биографические данные // Вестник РСХД. № 75. С. 26–33.

Паскаль П. Zander L. A. Dostoievsky. Le Probleme du Bien. Paris. 1946 // Вестник церковной жизни. 1946. № 6. Июнь. С. 49–50.

Э. П. П. Иустин (Попович) // Православная энциклопедия. Т. 28. М.: Энциклопедия, 2022. С. 596–603.

Zander L. A. Dostoievsky // Le Probleme du Bien. Paris. 1946. Ed. Corres. P. 179.

Zander L. A. Dostoievsky. London: SCM-Press, 1948. 140 p.

Zander L. A. Vom Geheimnis des Guten: eine Dostojewski Interpretation. Stuttgart: Friedrich Vorwerk Verlag, 1956. 187 S.

Исследования

Бобринская Е. Ю. Лев Александрович Зандер (1893–1864) // Преподобный Сергий в Париже: история Парижского Свято-Сергиевского Православного Богословского Института. СПб.: Росток, 2010. С. 270–280.

Богданова О. А. Миф Достоевского в России и Германии 1920-х годов: перипетии и парадоксы культурного трансфера // Mundo Eslovo: Journal of Slavic Studies. 2017. № 16. С. 9–18.

Данилова О. С. Пьер Паскаль в историографии: обзор российских и французских исследований // Французский ежегодник. 2011. М.: ИВИ РАН, 2011. Т. 43: Франкоязычные гувернеры в Европе XVII–XIX вв. С. 393–411.

Никифоров М. В. Зандер Л. А. // Православная энциклопедия. М.: Энциклопедия, 2008. Т. 19. С. 597–600.

Ребриева Т. Б. Зандер Лев Александрович // Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: Биографический словарь: в 4 т. СПб.: Изд. Российской национальной библиотеки, 1995. Т. 1. С. 221–223.

Романова Г. И. В. Л. Комарович и публикация архива Ф. М. Достоевского в Германии // Достоевский и мировая культура. М.: [Б. и.], 2013. Альманах № 30. Ч. 1. С. 448–454.

References

Bobrinskaia, E. Iu. “Lev Aleksandrovich Zander (1893–1864)” [“Lev Aleksandrovich Zander (1893–1864)”]. *Prepodobnyi Sergii v Parizhe: istoriia Parizhskogo Sviato-Sergievskogo Pravoslavnogo Bogoslovskogo Instituta* [Reverend Sergius in Paris: History of the Paris St. Sergius Orthodox Theological Institute]. St. Petersburg, Rostok Publ., 2010, pp. 270–280. (In Russ.)

Bogdanova, O. A. “Mif Dostoevskogo v Rossii i Germanii 1920-kh godov: peripetii i paradoksy kul’turnogo transfera” [“The Myth of Dostoevsky in Russia and Germany

in the 1920s: The Twists and Paradoxes of Cultural Transfer”]. *Mundo Eslavo: Journal of Slavic Studies*, no. 16, 2017, pp. 9–18. (In Russ.)

Danilova, O. S. “P’er Paskal’ v istoriografii: obzor rossiiskikh i frantsuzskikh issledovanii” [“Pierre Pascal in Historiography: A Review of Russian and French Studies”]. *Frantsuzskii ezhegodnik [French Yearbook]*, vol. 43: Frankoiazychnye guvernery v Evrope XVII–XIX vv. [French-Speaking Tutors in Europe in the 17th–19th Centuries]. Moscow, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences Publ., 2011, pp. 393–411. (In Russ.)

Nikiforov, M. V. “Zander L. A.” [“Zander L. A.”]. *Pravoslavnaia entsiklopediia [Orthodox Encyclopedia]*, vol. 19. Moscow, Entsiklopediia Publ., 2008, pp. 597–600. (In Russ.)

Rebrieva, T. B. “Zander Lev Aleksandrovich” [“Zander Lev Aleksandrovich”]. *Sotrudniki Rossiiskoi natsional’noi biblioteki — deiateli nauki i kul’tury: Biograficheskii slovar’: v 4 t. [Employees of the Russian National Library — Figures of Science and Culture: Biographical Dictionary: in 4 vols.]*, vol. 1. St. Petersburg, National Library of Russia Publ., 1995, pp. 221–223. (In Russ.)

Romanova, G. I. “V. L. Komarovich i publikatsiia arkhiva F. M. Dostoevskogo v Germanii” [“V. L. Komarovich and the Publication of F. M. Dostoevsky’s Archive in Germany”]. *Dostoevskii i mirovaia kul’tura [Dostoevsky and World Culture]*, anthology no. 30, part. 1. Moscow, [S. n.], 2013, pp. 448–454. (In Russ.)

Лики русской усадьбы в литературе XVIII – начала XX в.

Вниманию читателей предлагается подборка из пяти статей участников проекта Российского научного фонда № 22-18-00051-П «Усадьба и дача в русской литературе XX–XXI вв.: судьбы национального идеала», посвященная различным видам репрезентации усадьбы в русской литературе XVIII–XX вв., динамике усадебного топоса и усадебного мифа, особенностям художественных направлений, влиявших на формирование русской литературной усадьбы, проблемам усадебного идеала в творчестве писателей и поэтов, биографическим фактам, способствовавшим реализации усадебного топоса в художественных мирах классиков, влиянию философии и литературы Востока на воплощение образа усадьбы в произведениях XIX–XX вв., и др.

Статья руководителя проекта О. А. Богдановой имеет теоретический и концептуальный характер, в ней впервые глубоко и полно представлен анализ усадебного топоса в наследии писателей, относящемся к классицизму и сентиментализму. В дальнейшем она планирует исследовать специфику изображения усадьбы и поэтику усадебного текста в других литературных направлениях, вплоть до метамодернизма. Последующие статьи рубрики — Е. Е. Дмитриевой, В. Г. Андреевой, М. В. Скороходова — посвящены проблемам творчества отдельных авторов: исследователями проведена масштабная работа по выявлению усадебных контекстов и осмыслению места и роли усадебного топоса в художественных мирах А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, К. К. Случевского. Большое внимание уделено мировоззренческим основам образа усадьбы у разных авторов. Затронут в подборке и сравнительный аспект: статья Г. А. Велигорского посвящена проблеме творческого переложения, обусловленного различными смысловыми стратегиями в текстах об «игрушечных усадьбах» Б. Поттер и П. С. Соловьевой.